

Андрей Юрьевич Анисимов

Ураган для одуванчика

Андрей Анисимов

Ураган для одуванчика

«Автор»

2015

Анисимов А. Ю.

Ураган для одуванчика / А. Ю. Анисимов — «Автор», 2015

В смешанную эстонско-русскую семью приезжает на пансион пожилая дама из Германии. И через какое-то время таинственно исчезает. Полицейский, начав расследование, понимает, что семья из-за экономического кризиса оказалась в трудном финансовом положении и подозревает русского супруга и его эстонскую жену в убийстве пожилой немки. Роман написан в жанре комического детектива.

© Анисимов А. Ю., 2015

© Автор, 2015

Андрей Анисимов

Ураган для одуванчика

Если вам кто-то скажет, что в Эстонии летом с утра до вечера льют дожди, а люди угрюмо молчат, плюньте тому в лицо, и знайте – перед вами или великорусский шовинист, или отъявленный лгун. Климату этой маленькой страны могут позавидовать многие государства, что находятся куда восточнее и южнее. Зимы здесь по обыкновению мягкие, а летом вас не будет мучить зной, не будут пожирать всевозможные кровососы, вроде комаров, слепней и мух. Родись Пушкин в Эстонии, он здешнее «лето красное» полюбил бы всем сердцем. Особенно хорошо тут в начале лета. Дни тянутся бесконечно долго, и даже в полдень вы ощущаете себя, как где-нибудь в Ницце или Анталии в разгар бархатного сезона, правда, там он начинается в середине октября. Солнечные лучи не обжигают тело, а дарят ему нежное тепло, как опытная гетера убажает пресыщенного любовника.

Именно в такой солнечный июньский день трасса Таллинн – Пярну оставалась на редкость пустынной. Обычно летом прокатиться в этом направлении желающих хватает. Курортный Пярну притягивает своим милым камерным уютом и туристов, и коренных жителей. Но сегодня, двадцать четвертого числа, эстонцы отсыпались. Накануне в стране отмечали День победы, а садиться за руль после изрядной дозы спиртного грозит штрафом, сумма которого тянет на четверть зарплаты чиновника средней руки, что, надо заметить, вовсе не слабо. Здешние чиновники получают не меньше полутора тысяч так называемых условных единиц. Вот и прикиньте, стали бы вы рисковать такой суммой, усаживаясь за руль навеселе? Поэтому солидный мерседес выпуска одна тысяча девятьсот девяносто шестого года катил по шоссе в гордом одиночестве. Несмотря на свой внушительный возраст, лимузин сверкал лаком и смотрелся так, словно вчера сошел с конвейера знаменитого завода. Под стать автомобилю выглядел и его хозяин. Седовласый господин в белом чесучовом костюме восседал в кресле прямо, как сидят водители старой школы, и правил двумя руками, едва касаясь баранки. Кисти его старческих рук оберегались от дорожной пыли перчатками из белой хлопчатобумажной ткани. Золотые пуговицы на них выдавали пижона, способного потратить на подобный аксессуар туалета не менее трехсот долларов. Рядом с пожилым денди путешествовала дама. Описать ее внешность труднее, поскольку, прячась от вечернего солнца, лупившего в лобовое стекло, она опустила на глаза соломенную шляпку с размашистыми полями, но при этом продолжала курить. Пальцы ее правой руки, лежавшей в проеме открытого окна, сжимали тонкую длинную сигарету, пепел с которой сдувал встречный ветер. Некоторое время она так и ехала, неподвижно, с сигаретой в правой руке. Затем ее левая рука нащупала коленку водителя и стала медленно двигаться вверх по его бедру.

– Крошка, что ты делаешь? – наивно поинтересовался великовозрастный денди по-немецки.

– Помолчи, козел, – ответила дама по-эстонски, продолжая начатое.

Старик покосился на ее шаловливую ручку и хмыкнул – ему стало щекотно:

– Годков пятнадцать назад я бы не возражал. Но сейчас совмещать руль с подобными радостями мне уже затруднительно. Подожди до отеля, – попросил он, стараясь удержать машину.

Ответ дамы прозвучал коротко и томно:

– Закрой рот и расслабься.

Водитель эстонского языка не знал, но чувствуя, что дело становится слишком интимным, воскликнул:

– Крошка, ты мне мешаешь!

Это были последние слова, произнесенные седовласым кавалером. Мерседес несколько раз вильнул, прихватив встречную полосу, затем резко прибавил скорость, вильнул еще, теперь уже в сторону кювета и, совершив невероятный зигзаг, впечатал капот тяжестью всей массы представительского лимузина в бетонный фонарный столб. Из поврежденного бака тонкой струйкой потек бензин. Это обстоятельство становилось особенно тревожным по причине близости огня – из раскрытого окна безжизненно свисала женская рука с дымящейся сигаретой. Через мгновение пальчики, украшенные ярко-зеленым лаком, разжались, и сигарета полетела вниз. А еще через мгновение раздался взрыв, и машина превратилась в пылающий факел.

Водитель проезжавшей мимо фуры, Янус Вьяке, резко затормозил, выскочил из кабины, но помочь уже ничем не смог. Он даже не смог из-за жуткого жара подойти к горящему автомобилю. Ему лишь удалось записать еще не успевший почернеть номер пылающего автомобиля и вызвать спасательные службы.

* * *

Она вошла в двери полицейского управления города Мюнхена, как взбешенный халатностью подчиненных банкир входит в операционный зал.

– Меня зовут фрау Лямке, и я должна говорить с самим комиссаром! – заявила она дежурному полисмену. И когда тот вздрогнул и заморгал глазами, добавила: – Немедленно!

– Вам, фрау Лямке, придется немного подождать, комиссар Курт Гроссе пока занят.

– Я подожду, – сообщила она зловещим голосом и плюхнулась в кресло, вызвав жалобный скрип непривычной к подобной нагрузке мебели. Дежурный понял – эта дама будет сидеть здесь хоть неделю, но своего добьется, и невольно посочувствовал комиссару.

Фрау Лямке обладала коренастой мужской фигурой и носила обувь сорок третьего размера. Со спины ее многие принимали за мужика, да и крупные, рубленые черты лица могли ввести незнакомца в заблуждение. И, пожалуй, лишь монументальный бюст, не заметить который, способен лишь слепец, не позволял усомниться, что перед вами именно фрау. Но прелести, отпущенные матушкой природой, похоже, достались ей по ошибке, и сама Лямке не знала, что с этим делать. Хотя в наши дни индустрия массовой культуры каждую минуту напоминает обывателю о его сексуальных потребностях, для нее эта сфера человеческих отношений оставалась закрыта. В свои пятьдесят два она сохранила полную невинность, не прикладывая для этого никаких усилий. Случается, мужеподобные девы заводят романы с подругами. Но для Лямке всякое извращение представлялось не менее мерзким, чем самый обычный секс. Внешность диктовала и жизненную философию – не рассчитывая на помощь сильного пола, добиваться житейских благ собственным рвением и настойчивостью. Оттого и выбор профессии стал для нее чем-то большим, чем для иной барышни выбор жениха. Лямке этот выбор сделала – выучилась на бухгалтера. Еще в юности насмешки и пренебрежение кавалеров породили в ней подспудную неприязнь к мужской части населения. К тридцати пяти неприязнь переросла в ненависть, и Лямке зачастую с трудом сдерживала эмоции, когда ей по быту или службе приходилось сталкиваться с мужчинами. Из-за этих срывов пришлось сменить несколько мест службы – чаще всего фирмами, где требовались услуги бухгалтера, руководили мужчины. Но двадцать лет назад судьба ей улыбнулась. Однажды, снова оставшись без места, Лямке неделю сидела дома, придумывая напасти, которыми судьба отомстит последнему боссу. Израсходовав черный запас небогатой фантазии и наслав на бедного бюргера мыслимые и немыслимые невзгоды, она вышла в город искать вакансии. И не успела дойти до подземки, как встретила подругу. Встреча оказалась воистину судьбоносной.

Фрау Гольдмахер и сама не блистала женским очарованием и на корпоративных вечеринках часто уединялась с фрау Лямке обсудить пороки присутствующих джентльменов. Но в отличие от Лямке, она втайне ужасно страдала от своего одиночества и была готова отдаться

любому, возбудившемуся ее неброскими прелестями. Но желающих, увы, не находилось. В результате обе подруги проклинали хамство и эгоизм мужчин, называя их похотливыми скотами, и искали друг у друга поддержки. Единомыслие порождало симпатию, и, узнав об очередном увольнении подруги, фрау Гольдмахер посоветовала ей обратиться в фирму «Вилли и К», которой после смерти владельца руководила его вдова Берта Литхен. По словам фрау Гольдмахер, в компании как раз освободилось место – бывший бухгалтер, проработавший много лет с хозяином, после его кончины отказался трудиться под началом его вдовы – женщины.

Мало того что фрау Гольдмахер выдала Лямке ценную наводку, она еще извлекла из сумочки трубку мобильного телефона, чтобы подготовить хозяйку фирмы личной рекомендацией. Лямке пригласили для собеседования. В кабинете босса сидела дама той же возрастной категории, в которой Лямке пребывала сейчас, спустя ровно двадцать лет. Однако не в пример самой Лямке Берта Литхен выглядела вполне привлекательной дамочкой, а вовсе не мымрой. Оглядев соискательницу с головы до пят, начальственная вдова усмехнулась и сообщила: «Я тебя беру. Такое чудовище способно оказаться прекрасным сотрудником. Ведь у тебя, Лямке, личной жизни быть не может, и работа заполнит этот пробел».

Берта Литхен не ошиблась. Лямке трудилась как зверь. Проблем с партнерами или налоговыми службами за все эти годы у хозяйки фирмы не возникло ни разу. Но чего не могла предвидеть сама Берта, так это той глубокой привязанности, каковую она, безо всякого на то желания, пробудила в сердце своей новой сотрудницы. Начальница стала ее кумиром. Лямке опекала Берту, как малого ребенка. Следила, чтобы та вовремя обедала, не засиживалась в офисе допоздна, сама убирала ее кабинет и старалась не допускать к ней занудливых клиентов, переводя общение с ними на себя. Со стороны могло показаться, что фрау Лямке испытывает к своей шефине нечто вроде лесбийского вожделения. Но ничего сексуального в ее обожании не присутствовало. Берта прожила на свете на двадцать с лишним лет больше Лямке, но та воспринимала ее как младшую сестру или дочь.

Столь плотная опека саму Берту раздражала, но профессиональные качества работницы это раздражение гасили, и фрау Литхен нехотя позволяла бухгалтерше проявлять неусыпную заботу. Эта странная женщина стала наподобие ее вещи, не очень привлекательной, но весьма полезной. Так желудочный больной принимает диету – протертый суп есть противно, но живот от него болеть не будет.

А для фрау Лямке жизнь наполнилась смыслом, и она, чувствуя себя нужной, испытывала нечто вроде умиротворения. Единственно, что приводило ее в уныние – это постоянные романы Берты. Та умудрялась интересоваться своей персоной мужчин гораздо дольше, чем большинство женщин ее возраста. Но в последние годы и эти огорчения сошли на нет. Лямке знала, что время от времени «ее Берточке» предлагает руку и сердце некий Альфред Беншер. Будучи чуть старше самой фрау Литхен, престарелый холостяк дружил еще с ее мужем, Вилли, а потом, храня привычки профессионального ловеласа, давал круги и вокруг вдовы. Но его ухаживания Берта Литхен воспринимала как давнее приятельство и на предложения брака отвечала смехом. Выходить замуж за старика пожилая вдова не собиралась. Оттого и идиллии отношений босса и бухгалтера, казалось, ничто не угрожало.

Но полгода назад грянул гром. Берта Литхен решила фирму продать и пожить остаток лет в собственное удовольствие. Лямке получила приличное выходное пособие и вместе с грядущей пенсией могла считать себя до конца дней материально обеспеченной. Но смысла жизни она лишилась. Лишилась не сразу, потому что пыталась опекать Берту по инерции и вне стен офиса. Ежедневно ей названивала, предлагая свою помощь. Фрау Литхен это начинало бесить. В последней телефонной беседе она сухо сообщила об отъезде в Эстонию, где жизнь дешевле, а люди спокойнее. Своего предполагаемого адреса она Лямке не оставила, а мобильный телефон, во избежание звонков коллег по бизнесу, выбросила. Но фрау Лямке, когда дело касалось ее душевных порывов, умела быть настойчивой. Она помнила: на первом этаже дома, где дол-

гие годы проживала Литхен, обитает садовник Гельмут, и ему оставлен ключ от апартаментов. Лямке разыграла целый спектакль об утрате записной книжки и своего добилась – Гельмут поддался на провокацию и, хоть Берта Литхен наказывала никому ее эстонского номера не давать, Лямке его получила. Но люди, у которых Берта брала пансион, по-немецки говорить не умели, но зато знали русский. Лямке перезвонила с переводчиком. Тогда хозяева заявили, что Берта Литхен от них съехала и где теперь обитает, им неизвестно. Лямке была уверена, что недели через две, три, Берта поймет, как она, Лямке, ей необходима и объявится сама. Но шли месяцы, а известий от бывшей начальницы так и не поступало.

– Фрау Лямке, комиссар вас ждет.

Она не сразу поняла слов дежурного – слишком углубилась в горестные воспоминания. А когда поняла, резко поднялась и огромными шагами устремилась в указанный кабинет.

Курт Гроссе при ее появлении тоже вздрогнул, но быстро взял себя в руки, усадил в кресло и, изобразив на лице заинтересованное внимание, выслушал. Поняв, что она закончила, сказал самым любезным тоном, на какой был способен:

– Пока не вижу причин для беспокойства.

– А если ее убили, труп расчленили и кусками побросали в море?!

Курт Гроссе вообще к женщинам относился с интересом. Будучи вполне сносным семьянином, он тем не менее примечал красоток, попадавших ему на пути, и при случае не отказывал себе в интимных знакомствах с ними. Но в данный момент, глядя на особу, сидящую напротив, думал: окажись я с ней в одной постели, ни один доктор Германии, а медицина у нас, немцев, на высоте, не сумел бы вернуть мне потенцию.

Но посетительница ждала, и Гроссе, с трудом сохраняя на усталом лице вежливую мину, ответил:

– Уважаемая фрау Лямке, Берта Литхен сама вам сообщила о намерении перебраться в Эстонию. Почему вы предполагаете такие ужасы?

– Потому, что она мне не звонит уже больше трех с половиной месяцев.

– А что если ей не до вас? – наивно заметил полицейский, стараясь избежать колючего взгляда мужеподобной визитерши.

– Ваши предположения, офицер, бестактны, – воскликнула дама и грохнула по столу комиссара кулаком с такой силой, что графин с водой подпрыгнул, едва не оказавшись на полу.

Гроссе растерялся. При всей проницательности, свойственной людям его профессии, он не мог предвидеть ее реакцию и на всякий случай молчал. Но его молчание ее еще больше возмутило:

– Я пришла к вам, как к чиновнику, по долгу службы обязанному оберегать граждан Германии, где бы они не находились. За это мы на свои налоги вас содержим. Я уверена, что с фрау Литхен произошло несчастье, а вас это не трогает.

Гроссе сам начинал терять терпение:

– Фрау Лямке, поймите, Мюнхен огромный город. В нем каждый день случаются сотни преступлений. Разве вы не знаете, что у нас полно турок, арабов, русских и цыган? В полиции не хватает штата заниматься убийствами, грабежом и террористами, а вы просите меня искать даму, отбывшую отдохнуть от городской суеты? Кто вы ей – мать, дочь, тетя? Вы ей просто подруга. Подай заявление член ее семьи – дети фрау Литхен или ее муж, я бы его принял и приказал начать расследование. А так у меня ноль юридических оснований.

– Не говорите глупостей! У Берты нет и никогда не было детей, а ее муж уже двадцать лет на кладбище!

– Если она вдова, у нее вполне может оказаться друг, с которым она проводит время, не докладывая об этом подругам.

– Вы про Альфреда? Старый дурак Беншер делал ей предложение, но она его отвергла.

– Вы говорите, Альфред Беншер? Мне эта фамилия кажется знакомой.

– Значит, вы такой же негодяй, как он. Не примете моего заявления, пеняйте на себя.

Комиссар покосился на ее огромные ручки, затем на графин с водой, чудом сохранившийся в целости, и решил не искушать судьбу дважды:

– Фрау Лямке, если вы сумеете выяснить, куда конкретно направлялась ваша подруга, я пошлю туда запрос. Это все, что я могу для вас сделать.

– Я же вам сказала, она уехала в Эстонию – крошечную республику бывшей империи зла. Там все друг друга знают. Напишите главному полицейскому этой Эстонии. Пусть реагирует.

Гроссе притих, пытаясь что-либо вспомнить о вновь народившейся прибалтийской стране.

– Как ни мала Эстония, там все же есть несколько городков, а за ними хутора. Это отдельные жилища фермеров. Если ваша приятельница живет у такого фермера, эстонская полиция об этом ничего знать не будет. Ей неоткуда это узнать – ведь границ у Евросоюза теперь нет, и визы для Эстонии не требуется. Вы меня поняли?

– Я поняла, что вам лень работать. Но мне не безразлична судьба этой женщины, и я вам помогу. Вот телефон, который Берта Литхен оставила садовнику, – и Лямке выложила на стол листок с номером.

– Так позвоните туда сами, – посоветовал комиссар.

– Не давайте мне идиотских советов. Естественно, я туда звонила, и не один раз.

– И что вам ответили?

– Мне ответили, что фрау Литхен съехала. Пусть эстонская полиция начнет ее поиск с этих негодяев.

– Это уже нечто... – тяжело вздохнул комиссар и, записывая номер в служебный блокнот, предупредил: – Скорого результата не ждите. Пока я пошлю запрос, пока мне ответят и тому подобное...

Фрау Лямке поднялась с кресла:

– Скажите, офицер, в нашей полиции работают одни мужчины?

Гроссе решил уточнить:

– В каком смысле?

– В прямом.

– Почему? У нас в полиции женщин много. Отдел нравов возглавляет женщина. Отдел несовершеннолетних преступников тоже. В полиции женщин хватает, а что?

– Очень жаль, что вы, комиссар, мужчина, – сообщила фрау Лямке и, выходя из кабинета, так хлопнула дверью, что посеребренный кубок, выданный комиссару за многолетнее участие в клубе болельщиков мюнхенской «Баварии», слетел со стеллажа на пол, а за ним и настенный календарь.

«Страшная баба», – подумал Гроссе и поспешил вернуть кубок на место. Затем поднял календарь. Наведя порядок, уселся в кресло и прикинул, кого из животных напонила ему фрау Лямке. И когда сообразил, что ближе всего ей соответствует образ носорога, тут же обрел равновесие и принялся за работу.

А Лямке, выйдя из кабинета, знала, что этого так не оставит. Она все доводила до конца, а тут, когда дело касается самой Берты Литхен, она не успокоится, пока не найдет ее живой или мертвой.

* * *

Поселок Мустикат по эстонским понятиям можно отнести к крупным населенным пунктам. В нем более двухсот жителей, три магазина, школа, спортзал с теннисным кортом, отделения двух банков, почта и полицейский участок. Естественно, венчает этот список поселковая управа, поскольку без власти народ существовать не может, даже самый независимый и сво-

бодолюбивый. Со столицей страны поселок связывало железнодорожное сообщение – дизель с тремя вагонами и автобус, что каждый час отправлялся с главной площади. Поездка в Таллинн на дизеле занимала около часа, автобусом на пятнадцать минут быстрее. И хоть каждая семья владела одним или несколькими автомобилями, пользовались общественным транспортом жители охотно. Бензин при вступлении в Евросоюз взлетел в цене, и ежедневные поездки на личном транспорте заметно ударили по карману селян. А многие из них работали в столице и ездили туда ежедневно.

До моря от поселка нужно катить на машине минут сорок, зато прямо за центральной площадью раскинулось озеро, переходящее в каскад прудов. Водоемы окружала прекрасная дубовая роща. Весь парковый ансамбль являлся рукотворным наследием некогда проживавшего в этих местах немецкого барона, чей замок сохранился до сих пор и сдавался властями в аренду под различные торжества. В нем справлялись свадьбы, отмечались юбилеи и выступали столичные артисты. Кроме того, по средам и пятницам в замке проводились занятия поселкового хора. Хоровому пению жители Эстонии придают особое значение и им гордятся. И дело не только в музыкальных способностях маленького гордого народа – коллективный вокал позволяет им ощутить плечо соотечественника. Хор собирает людей вместе, и эстонцы друг друга видят. А увидеть живого человека на улицах Мустикат или другого подобного поселения – большая удача. Создается впечатление, что в Эстонии все есть, кроме людей. Соседи уживаются мирно, но общаются крайне редко. При встрече на улице лишних вопросов друг другу не задают, ограничиваясь приветствием *tere* или доброжелательным жестом.

Коттеджи поселян, как и в доброй старой Англии, служат хозяевам крепостью, и все маленькие тайны и большие проблемы владельцев остаются за стенами строений. Домики в поселке разные. Есть побольше, в два этажа, есть и совсем маленькие, но все опрятны, окружены подстриженными газонами и по российским понятиям, выглядят элитарно. Но здесь это вполне обычное жилье граждан разного достатка. Национальный состав селян тоже не однороден. Помимо эстонцев, в поселке Мустикат проживают две династии цыган, давно сменивших кочевье на европейский комфорт, пять русских семей, осевших еще после войны с немцами, и смешанная чета Муравиных, состоящая из жены-эстонки, Кристины, и русского мужа, Василия. Коттедж Муравиных мало разнился от остальных. Да и своим бытом молодая чета, отметившая в этом году семь лет совместного проживания, среди остальных поселян ничем не выделялась. Не придали значения соседи и приезду к ним пожилой дамы. А о том, что Берта Литхен немка, сельчане вообще не догадывались. Фрау Литхен говорила по-русски без акцента, и продавщицы местных магазинов, почтальон Иллу да и парикмахерша Руть считали ее русской. Знала о германском происхождении пожилой дамы лишь оператор банка, Эва Хансен, и то потому, что в одном из двух отделений, где та работала, Берта открывала счет и для этого заполняла необходимые бумаги.

* * *

В Эстонии к официальным праздникам относятся серьезно. Не столь рьяно, как в первые годы независимости, но уважительно и без всякой иронии. Есть праздник – надо праздновать. И нынешний День победы не исключение. Утро двадцать третьего июня выдалось ясным и безветренным. Кристина Муравина первой вышла на газон в халате и с флагом в руках. Прислонив символ государственности к стене дома, заглянула в приоткрытое окно спальни, призывая мужа к соучастию. Василий уже не спал, но вставать не торопился.

– Хватит валяться. Помоги мне флаг закрепить, – сказала она в пространство приоткрытого окна и услышала в ответ мычание, означавшее, что Василий просьбу услышал, но вставать не хочет. Повторять супруга не стала. Постояв некоторое время у окна, уселась на крыльцо и, запахнувшись в халат, ждала.

Несмотря на ранее пробуждение, отсутствие косметики и некоторую бледность, молодая женщина оставалась привлекательной. В разряд классических красавиц госпожа Муравина не вписывалась, но ее миловидное личико с пухлыми губами и вздернутым носиком привлекало мужские взгляды. И в этом не было ничего удивительного, поскольку прямые ноги, светлые волосы и объемная грудь при миловидном личике способны вызвать желание у мужчины нормальной ориентации. Но от куколок, призывающих с глянцевого обложки трудиться не покладая рук, чтобы потом получить в подруги подобную, отличалась вдумчивым взглядом серых внимательных глаз и полным отсутствием кокетства. Но сейчас помимо обычной серьезности в ее облике проступало что-то напряженное и тревожное. Безмятежное утро, наполненное щебетанием птиц, только подчеркивало это ее состояние. Посидев несколько минут без движения, госпожа Муравина снова подошла к окну и заглянула в спальню. Но Василия в постели не увидела. Вскоре он появился на крыльце в плавках:

– Чего тебе не спится?

– Вставь флаг куда надо и приготовь дров для бани. Забыл? У нас сегодня гости.

Василий притянул жену к себе, запустив руки под ее халат, обнял за бедра.

– Перестань, сейчас Берта выйдет... – смутилась женщина, отталкивая мужа.

– Сама же сказала «вставь куда надо», – напомнил супруг и, подхватив ее на руки, занес в спальню. Там она еще пару раз пыталась его образумить, но Василий не терял времени даром, и ей пришлось с этим считаться.

Переживая без ответной страсти его напор, она краем глаза косила на дверь, опасаясь появления постоялицы. Но сегодня ее опасения оказались напрасными, Берта спала. Из душа Кристина вышла первой, набросила халат и напомнила мужу о флаге.

– Побаловались, теперь можно и гражданский долг отдать, – ухмыльнулся Василий, натягивая плавки.

– Просыпаться для баловства надо раньше. Вон у всех давно флаги висят.

Муравин посмотрел сквозь окно на коттеджи соседей, уже украшенные государственной символикой, зевнул, почесал грудь и зашагал босыми ступнями по влажному от росы газону в сторону гаража. Вернувшись со стремянкой, забрался на нее и пристроил трехцветное полотнище под крышей. Вернув стремянку на место, занялся баней. Хейно любил накалять себя до красноты, поэтому Муравин притащил вместо двух порций дров целых четыре. Покончив с дровами, спросил жену:

– Твоя чухонская душа довольна?

– Не расслабляйся. Сливки в доме нет.

Он посмотрел на часы:

– Магазин еще закрыт.

– Пока дойдешь, откроют.

– Пешком?

– Естественно. Зачем бензин зря жечь?

Василий терпеть не мог перемещаться по поселку пешком, но спорить не стал. Облачившись в брюки и рубашку, сунул в карман бумажник и удалился.

Берта появилась в саду, когда Кристина уже успела накрыть стол к праздничному завтраку. Погода позволяла, и трапеза намечалась в саду под яблоней. Пожилая дама шагала по газону в закрытом купальнике и с ковриком под мышкой.

– Доброе утро, милочка, – приветствовала она молодую хозяйку. – Васька еще спит?

– Доброе утро, Берта. Муж за сливками пошел. Выспались?

– Прекрасно выспалась и готова к подвигам. – Сообщила Берта, раскладывая коврик. Слово «прекрасно» фрау Литхен произносила через букву «э», и оно было не единственным в ее лексиконе, где эта буква присутствовала. В кармане фартука Кристины настырно завыл

мобильный. Она вынула его, отключила и спрятала обратно в карман. Специфический сигнал трубка выдавала ровно в восемь, напоминая Муравиной о таблетках немки.

– Берта, вы не забыли выпить свои шарики?

– Нет, милочка, гомеопатию я уже заглотала.

В ожидании мужа и сливок Кристина присела за стол, а Берта принялась за зарядку. Сделав с десяток приседаний, перевела дух и решила пообщаться:

– А ты, милочка, напрасно не тренируешь мышцы... Мы, женщины, должны держать тело в форме. Годы летят – не заметишь, как Васька начнет зыркать по сторонам.

– Вы правы, Берта, но мне лень, – откровенно призналась Кристина.

Фрау Литхен ее непосредственность не тронула:

– Я уже старуха, а погляди, жир нигде не висит, талия на месте. Я вполне еще могу доставить удовольствие немолодому мужчине. Как ты думаешь?

Кристина заставила себя поглядеть на старуху и подтвердила ее самооценку:

– Вы прекрасно выглядите, Берта.

Довольная поддержкой, та перешла к наклонам. Наклонялась она для своих семидесяти шести достаточно низко и достаточно легко. Покончив с «поклонами», продолжила развивать свою мысль.

– Да, я пока в форме и немало для этого делаю. Но одной физической нагрузки здесь недостаточно. Раз в неделю недурно себя промывать. Вот сегодня я попрошу тебя, милочка, приготовить мне три литра кипяченой воды и перед сном помочь с процедурой.

Кристина не сразу поняла, о чем идет речь, но немка ей быстро пояснила:

– Ставить себе самой клизму весьма затруднительно. Не просить же мне Ваську?! Он решит, что я с ним заигрываю.

Выскажи Берта подобную просьбу в другой обстановке, возможно, Кристину это и не шокировало бы, но здесь, перед накрытым к завтраку столом, она растерялась:

– Берта, я и себе этого никогда не делаю.

Немка уселась на ковер, поочередно поднимая то правую, то левую ногу. Упражнения ей разговаривать не мешали, но выстраивали фразу в определенный ритм.

– И напрасно. Раз-два. В организме скапливаются шлаки. Три-четыре. И их необходимо выводить хотя бы раз в неделю. Раз-два. А завтра, ты же помнишь, я еду с Альфредом в Пярну. Три-четыре. И хочу выглядеть девушкой на выданье. Раз-два. А от этого зависит цвет лица. Ты меня понимаешь?

Кристина посмотрела на калитку в надежде, что вернется муж и Берте придется сменить тему, но Василий не появился:

– Я на цвет лица не жалуюсь....

Берта перешла к волнообразным взмахам руками, так же не мешающим вести разговор:

– В твоём возрасте, милочка, поддерживать цвет лица можно и при помощи оргазма. Раз-два. Но действует это исключительно, если ты ведешь регулярную половую жизнь. Тр-четыре... Но и при этом промывание желудка не лишнее.

Сообщив это, пожилая спортсменка перешла к прыжкам на месте и беседовать уже не могла. Но покончив с зарядкой, быстро восстановила дыхание, сошла с коврика и, присев рядом с Кристиной, заговорила тихо и таинственно:

– Кстати, насчет регулярной половой жизни, в твоём случае я сильно сомневаюсь. Васька не дурак выпить, а пьющие мужчины супружескими обязанностями часто пренебрегают....

– Я приму к сведению, – молвила Кристина, покрываясь пунцовым румянцем.

– Прими, милочка, и не давай Ваське много пить.

– Стараюсь.

– Теперь по поводу процедуры... Значит договорились? Ты поможешь мне на ночь с этим?

Кристина вспомнила, что сегодня у них гости, которых необходимо оставить ночевать. Придется совместить гостей с клизмой Берты. Отказать немке она не могла. «Что, если это ее последняя просьба?»

– Не беспокойтесь, я все сделаю.

Старуха поблагодарила и, собрав коврик в рулон, направилась к дому. На дорожке чуть не столкнулась с Василием.

– Доброе утро, Берта.

– Доброе утро, Васька. Что ты на меня так смотришь?

Василий не понял вопроса:

– Как смотрю?

– Словно я прэведение...

– Вам показалось.

– Мне никогда, ничего не кажется. Ты обыкновенный нахал, который пялится на обнаженную женщину. Признайся, что мое тело тебя волнует?

– Берта, вы меня смущаете.

– Успокойся, не буду. Купил сливки?

– Я же за ними ходил...

– Это ничего не значит. Ты мужчина забывчивый. Вчера забыл отвезти меня на выставку цветов, а сегодня она закрылась.

– Как я мог это сделать, если страховка позавчера закончилась?

Кристина с укоризной посмотрела на мужа:

– Опомнися! Я уже неделю назад продлила. Это вы, русские, все до последнего дня тянете.

– При чем тут русские? – обозлился Василий.

Кристина ехидно пояснила:

– Менталитет у вас такой. Ты свои поговорки помнишь? «На охоту ехать, собак кормить». «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». А еще жареный петух... да много их у вас на эту тему.

– Заучила....

– Я же русскую филологию в Тарту заканчивала. Приходилось зубрить.

Берта уже дошла до двери, но предмет спора ее заинтересовал, и она, оставив коврик у порога, вернулась на газон:

– Русские могут неплохо работать. Только их нельзя распускать. Они еще генетически не забыли крепостное право. А хороший барин обязательно по субботам порол холопов.

Василию слова немки не понравились:

– При этом вы, Берта, пожелали поселиться в русской семье...

– Во-первых, Кристина эстонка, – парировала старуха, – что некоторым образом облагораживает и ее супруга. Во-вторых, русские здесь ведут себя куда пристойнее, чем дома... Хотя, на мой взгляд, тебя, Васька, жена сильно распускает. Я жила с немцем и то контролировала каждый его шаг. А ты целыми днями шляешься без присмотра. Вот и результат – о страховке вспоминаешь после того, как она просрочена.

Кристина заступилась за мужа:

– Вы, Берта, тоже не все помните. Деньги, что вы давали на бензин, давно закончились.

Немка на нее строго посмотрела:

– На прошлой неделе Васька прэвысил скорость, и я оплатила штраф. Эта сумма прэвышает расходы на горючее в два раза. Поэтому еще месяц на бензин он не получит ни сента.

– Берта, так нечестно, – возмутился Василий. – Вы сами опаздывали на концерт и проели мне внутренности, чтобы я ехал быстрее. Вот я и гнал.

– Внутренности тебе проедает алкоголь. Я же не намерена опаздывать на концерты. Не хочешь гонять, выезжай загодя.

– Вы не помните, почему мы тогда задержались? Потому что вы больше часа накладывали на себя румяна!

– Не смей указывать даме, мальчишка, сколько времени мне заниматься макияжем!

– Он и не указывает, а объясняет причину задержки, – вмешалась Кристина, за что и сама получила.

– А ты бы, милочка, вообще помолчала. В каком виде ты выходишь к мужу завтракать?! Если бы мой Вилли хоть раз увидел жену с мятой мордой, он бы перестал спать со мной в одной постели. – Сделав это заявление, Берта гордо удалилась.

Проводив ее взглядом, Василий покрутил пальцем у виска, что означало его отношение к умственным способностям старухи, достал из пакета сливки, выложил перед Кристиной на стол и спросил:

– Как, по-твоему, она что-то чувствует?

– Ничего она не чувствует, просто уверена, что за свои деньги может всех строить. Она тут меня уже достала.

Наливая мужу кофе, Кристина немного расплескала на скатерть.

– У тебя руки дрожат, – заметил Василий.

– Да, мне страшно. Я же не каждый день старух убиваю.

Он оглянулся по сторонам и приложил к губам палец:

– Тише ты! Успокойся и не трясись.

– Попробую, – пообещала Кристина и потянулась за сигаретами.

Он схватил пачку и убрал в карман:

– Тебе нельзя курить. Забыла?

– Очень хочется.

– Перебьешься.

Она тяжело вздохнула:

– Скорее бы уже наступило завтра...

– Наступит. Твое дело уговорить буржуев Мерисалу остаться у нас ночевать. Остальное сделаю сам.

– Милый, у тебя еще есть время подумать.

– Я уже подумал...

* * *

Гости Муравиных прибыли ровно в пять, как и обещали. Хейно едва удалось плотно припарковать свой огромный «Лексус» к забору, чтобы тот не загораживал проезд. Сегодня, по случаю праздника, ко многим селянам понаехали гости, и их личный транспорт превратил узкую улицу в растянутую автостоянку. В отличие от будней, когда встретить в поселке живую душу шансов мало, в дни редких праздников Мустикат оживал. На участках перед коттеджами дымили коптильни, хозяева и гости пировали на своих газонах, и даже можно было услышать тихую музыку, льющуюся из окон. Но ни криков, ни громкого пения от эстонцев на улице не дождетесь. Все будет солидно и пристойно. Это вовсе не значит, что все пирующие мужчины сохранят способность передвигаться на собственных ногах. Какой-нибудь Яан или Андрус, возможно, и переберет. Но его тихо отведут на ложе, и если супруга на другой день закатит ему скандал, никто и никогда этого не узнает.

Василий Муравин эстонских праздников терпеть не мог, особенно его раздражал День победы. О поводе, давшем эстонцам возможность так обозначить двадцать третий день июня, представление Василий имел смутное. В общих чертах событие для него выглядело так: в

Первую мировую войну, перед которой Эстония на короткое время оказалась в первый раз самостоятельной страной, в местечке Вынну эстонский гарнизон то ли изгнал немцев-захватчиков, то ли удержал от них свой городок. В сознании Василия осталось – несколько эстонцев одержали верх над несколькими немцами. Поэтому словосочетание «битва под Вынну» поначалу вызывало у него гомерический хохот, а по истечении времени саркастическую улыбку.

Но будучи женатым на эстонке и искренне любя жену, по трезвости он старался своих истинных чувств не выказывать. Особенно при гостях-эстонцах. Терпел он и сейчас. Хотя сегодня господин Мерисалу вел себя куда скромнее обычного, старался не ругать русских и не вспоминать тех ужасов, которые они натворили на его земле в качестве оккупантов. Тучный любитель пива, как и его супруга, являлись местной буржуазной элитой. Хейно торговал нефтью и до кризиса мог считать себя одним из самых состоятельных здешних бизнесменов. Чета Муравиных по социальной лестнице оставалась далеко внизу. Но Кая Мерисалу дружила с Кристиной Муравиной еще со школьной скамьи. И когда Кристина вышла замуж за русского, Хейно ничего не оставалось, как с этой неприятностью мириться. Василий тоже не слишком симпатизировал тучному эсту и не упускал случая ему напомнить, что весь недостаток того напрямую связан с Россией и ее запасами углеводородов. Но сегодня и он воздерживался от колкостей. Пока готовились шашлыки, они с Хейно тянули пиво, а женщины оживленно болтали за столом. Когда шашлыки дозрели и мужчины к дамам вернулись, говорила в основном Берта. И хоть говорила она по-русски, Хейно, воспринимая ее гражданкой Германии, выслушивал с почтением. Сам он и раньше говорил мало, но когда вливал в себя литра два пива и еще добавлял водки, мог произнести несколько фраз подряд.

Василий подлил в бокал Берте вина и предложил тост за ее здоровье. Берта чокнулась со всеми и сказала ответные слова:

– В этот прекрасный день, когда мы, немцы, потерпели сокрушительное поражение от доблестных войск Эстонии, я хочу выпить за всех вас, за эту гостеприимную страну и отдельно за моих молодых хозяев. В их доме я нашла семейное тепло, заботу и все то, чего не хватает одинокому пожилому человеку. Живя рядом с вами, я тоже помолодела и не ощущаю груза прожитых лет.

Кристина слушала Берту и ждала, когда та перейдет к теме о ненавистных детях. Злобное неприятие немкой всего, что связано с деторождением, задевало что-то в душе молодой женщины и вызывало у нее антипатию к старухе. Ждать пришлось недолго. Берта гордо оглядела присутствующих и надменно улыбнулась:

– Еще вы и ваши друзья нравитесь мне тем, что не стали плодить потомство. Если бы господина Мерисалу притащили сюда детей, мне бы пришлось забиться в свою комнату. Что может быть отвратительнее диких карликов с их несносными проделками и страшным шумом, что они создают?! А так у нас тишина и покой.

Берта посмотрела на Кристину с Василием, и голос ее потеплел:

– Завтра за мной заедет мой старый друг, и я на несколько дней покину этот ставший для меня родным дом. Но поверьте, даже несколько дней разлуки наводят на меня грусть. За вас, мои дорогие.

Все выпили, и Кристина незаметно для остальных переглянулась с мужем. Молодая хозяйка старалась выглядеть непринужденно и держать улыбку, но ей это удавалось не всегда. В иные моменты в глазах Кристины появлялась такая тоска, что поневоле хотелось ее пожалеть и ободрить. Кая еще по приезде заметила ее бледность и поинтересовалась здоровьем подруги. Но молодая женщина отделалась шутками. Василий лучше других понимал состояние жены, но вида не подавал – окружающие должны запомнить их веселыми, и оба супруга старались, как могли. Пришло время уговорить Хейно и Каю остаться на ночь. Изрядно приняв, Хейно не собирался садиться за руль, но Кая оставалась трезвой. Вести машину на обратном пути предстояло ей. Кристина стала подбивать подругу выпить.

– Ну, зачем сегодня ехать? Я вам постелю в баньке. Утром позавтракаем и двинете.

И Кая соблазнилась. Хейно не сразу понял, что жена опустошила полный бокал. А когда понял, налился гневной краснотой.

– Женщина, тебе нельзя пить, – рявкнул он ей по-эстонски.

– Да я уже выпила, – улыбнулась Кая. – Ничего страшного, проведем с тобой ночь здесь.

Хейно не ответил, но посмотрел на жену взглядом, который заменил все, что мог бы сказать русский мужик своей супруге в подобном случае. Помогла Берта.

– Хейно, не смей злиться. У тебя молодая красивая жена. Пойми, ты живешь на свете только для того, чтобы ее холить и лелеять. Моему Вилли, пока он был жив, и в голову бы не пришло мне возражать. Иначе я превратила бы его существование в сущий ад. И он это прекрасно понимал.

Василий, чтобы поучаствовать в разрядке создавшегося между супругами Мерисалу напряжения, решил поболтать с Хейно о параде. Всевозможные проявления государственной независимости бальзамом ложились на эстонскую душу бизнесмена, а демонстрация военной мощи особенно. С некоторых пор власти республики парады проводили не в столице, а в одном из провинциальных городков, чтобы дать уездным центрам привлечь к себе внимание. Принимать парад выезжал сам президент, а с ним прибывала столичная и зарубежная пресса.

– Где сегодня прошел парад? – поинтересовался Василий.

– В Тарту, – ответил бизнесмен.

И тут Муравин не сдержался:

– И американский танк успели починить? Кажется, у эстонцев на вооружении их два, но я слышал, у одного заклинило двигатель?

– У нас есть достаточно танков, чтобы делать защиту своя независимость, – раздраженно возразил толстяк.

– От русских или американцев? – не мог остановиться Василий.

– Что ты привязался к Хейно? – заволновалась Кристина, понимая, что мужа понесло.

– И не думал. Просто хочу понять, от чего Хейно считает себя зависимым? От русской нефти или американского танка?

Кая попыталась все перевести в шутку.

– Больше всего муж зависит от пива, – и погладила Хейно по необъятному животу.

Толстяк обиженно засопел и больше за весь вечер не проронил ни слова.

Продолжал дуться Хейно и за утренним кофе. Кая пыталась отвлечь мужа от обидных мыслей, но бизнесмен оставался угрюм и молчалив. Лишь появление Альфреда Беншера, и даже не его самого, а его мерседеса, подействовало на эстонца благосклонно. Увидев машину, он необычайно ловко для его полноты покинул кресло и зашагал оглядывать антикварную классику. Беншер от утреннего кофе отказался и, наговорив дамам комплиментов, начал торопить Берту – дорога не близкая, а он еще забыл в отеле свою любимую трость. Через пятнадцать минут они с Бертой укатили. Следом уехал и супруги Мерисалу. Прощаясь, Хейно старался на Василия не смотреть, но свою пухлую ручищу для рукопожатия все же протянул.

Проводив гостей, Муравины, не сговариваясь, вернулись в спальню и улеглись в постель.

– Давай просто поваляемся? – предложила Кристина.

– Тебе хочется иметь мужа импотента? – ответил он, целую начинающую наливаться грудь жены.

– При чем тут это? Я просто думаю о Берте, и мне страшно. Неужели тебе все равно?

– Мне вовсе не все равно, когда ты лежишь рядом, – ответил он, стягивая с нее трусы. Кристина вздохнула и закрыла глаза. После секса оба долго спали.

Василий проснулся первым, встал, заглянул на кухню и с подносом, нагруженным бутылкой виски, стаканом и небольшим транзистором, отправился в сад. Усевшись в кресло под

яблоней, налил себе полстакана виски и залпом выпил. Как подошла Кристина и уселась рядом, не заметил. Она спросила, не подымая глаз:

- И что теперь?
- Теперь я напьюсь, – отозвался Василий.
- Ее уже нет?
- Один Господь знает.
- Ты, правда, хочешь напиться?
- Да.
- А я?
- Что – ты?
- А я вчера вечером ставила Берте клизму, – сказала Кристина и заплакала.

Василий видел, как жена, не вытирая слез, ушла в дом, но остался сидеть, налил еще четверть стакана, опять одним махом запрокинул в глотку и включил транзистор. Передавали музыку. Он сидел и пытался вспомнить, как все получилось? Полгода назад к ним приехала Берта. Но началось это гораздо раньше. С евроремонта дома.

Они купили коттедж, когда поженились. Купили не у хозяина, а у его сына, потому что хозяин умер. Одинокий старик доживал свои последние годы и за домом почти не следил. Они с Кристиной сами переклеили обои, оттерли полы и побелили потолки. Через месяц в комнатах стало чисто, исчез запах плесени и жареной салаки, оставленный умершим владельцем. Его неказистую старую мебель Василий распилил, и ее поглотило пламя камина. Но въезжать в дом молодожены не спешили – ночи стояли по-летнему теплые, и они ночевали в саду. Хотя заброшенный участок раем назвать трудно, для влюбленных супругов их палатка стала реальным воплощением рая в шалаше.

Василий хорошо помнил время, когда их трудовой пыл мгновенно сменялся любовным. Молодожена заводило все. Стоило Кристине подняться на стремянку с листом обоев и приложить его к стене – работать он больше не мог. Ее стройные ноги, выгнутая в движении спина, запрокинутая головка заставляли его отбросить инструмент и тащить жену в палатку. Иногда даже и не тащил, а брал ее прямо на рабочем месте. Но бывало и по-другому. Они усталые принимали душ, Кристина надевала что-нибудь нарядное, они садились в машину и катили в город. Выбирали самый шикарный ресторан и усаживались поближе к эстраде. Хотя после ремонтных трудов ныла спина, гудели ноги – танцевали и дурачились до закрытия заведения. А вернувшись, любили друг друга, пока в «шалаш» не заглянет солнце. Так продолжалось около месяца. Когда дом привели в порядок, переехали из палатки в спальню. Огромная двуспальная кровать стала первым приобретенным в магазине предметом их мебели. Плитку, холодильник, телевизор и другие атрибуты цивилизации собирали родственники и друзья. Покупать их молодоженам было уже не на что.

- Кристина вышла из дома с тазиком мокрого белья. Проходя мимо мужа, бросила:
- Таки напиваешься?

Василий вздрогнул. Углубившись в свои мысли, он появление жены пропустил. Она уже развешивала белье на веревке, когда он ответил:

- Не понимаешь, в каком я состоянии?
- Догадываюсь.
- О чем ты можешь догадываться?! Лучше помолчи, мне и так тошно.

Кристина, покончив с бельем, подошла и села рядом:

- Мне тоже маетно, вот стирку затеяла. И ты занялся бы чем-нибудь путным.
- Не доставай, дура, – отмахнулся супруг, но злости или раздражения в его голосе Кристина не услышала. Она вообще не понимала русских, которые произносят ругательства, находясь в полном благодушии:

– Конечно, дура. Говорила мне мать, не выходи за русского... не послушалась.

– Ну не доставай, чухна. Сказал же, тошно мне.

– Чего от тебя дождешься? – она поднялась, вернулась за пустым тазиком и унесла его в дом. Василий поглядел ей вслед, добавил себе виски, но пить не стал. По транзистору передавали очередную рекламу, и он, убрав звук, снова принялся размышлять о прошлом. Ему хотелось понять, где совершил ошибку. Почему так получилось, что счастье их семьи зависит от несчастья другого человека? Ведь он не бандит, не убийца. Да и жадностью никогда не отличался, не требовал для себя чего-то необычайного. И его брак начинался счастливо, да и потом он никогда не жалел, что женился на эстонке.

Первый год их совместной жизни пролетел незаметно. Вместе им было хорошо, и поначалу столкновений на бытовой почве не возникало. Изредка случались споры с выбором телевизионных каналов. Кристине хотелось смотреть свои, эстонские, а Василий по-эстонски не понимал. Она медленно, но упорно пыталась склонить его к изучению языка. Муж не поддавался. Он считал это занятие бесполезным и даже унижительным. Зачем? Жена прекрасно говорит по-русски. И это было правдой – Кристина окончила филологическое отделение Тартуского университета, которое профессор Лотман прославил на весь русскоязычный мир. Жена Василия изъяснялась грамотней многих его русских знакомых. Но язык оказался далеко не главным поводом для разногласий. Василий хотел ребенка. Сперва он думал – его жена специально что-то делает, чтобы не беременеть. Однажды он ей сказал об этом прямо. Кристина расплакалась. Она сама не могла понять, в чем дело, и уже несколько раз обращалась к врачу. После обследования причина прояснилась – последствия сделанного в ранней юности аборта грозили ей пожизненным бесплодием. Василий тогда напился, но ничего обидного жене не высказал. Да и потом к больной для Кристины теме ни разу не возвращался. Ему для полного счастья хватало и молодой жены.

Но, как выяснилось, самой Кристине требовалось куда больше. Ей было важно достойно выглядеть в глазах своих знакомых. Быт Муравиных не вписывался в стандарты уже народившегося в Эстонии среднего класса. Телевизор у них слишком маленький, холодильник слишком старый, стиральная машина слишком примитивна, сантехника в доме и вовсе допотопная. Да и автомобиль, служивший Василию почти двенадцать лет, теперь частенько нуждался в ремонте. Всего этого Кристина стеснялась и настойчиво требовала перемен. Тогда Муравин устроился на фирму к Яану Пыдеру. Эстонец никогда бы не взял на работу русского без знания языка, но его жена Аннели дружила с Кристиной и по просьбе подруги принялась обрабатывать мужа. Среднестатистическому эстонцу проще удовлетворить желание жены, чем искать доводы для отказа. И Яан Пыдер к себе на фирму Муравина взял. Зарабатывать Василий стал гораздо больше, и вскоре у них в доме появились новые дорогие вещи. Заменяв холодильник, телевизор и стиральную машину, супруг надеялся, что молодая женщина успокоится. Но Кристина так не думала. Ее раздражали старые окна, рамы на которых закрывались неплотно, бесили скрипучие двери и доводила до отчаяния крыша, что в сильные дожди давала течь. Да и новые вещи, очутившись в старом интерьере, подчеркивали убогость их самопального ремонта. Вскоре она завела разговор о ремонте капитальном. Василий начал понимать – его любимая, хоть и блестяще владеет русским, думать продолжает по-эстонски. Представители маленького европейского народа болезненно жаждут комфорта и благополучия, понимая их как проявление культуры и цивилизованности. Особенно это касается женской части населения. Ничего удивительного в подобном феномене нет. Эстонцы народ хуторской, своего дворянства никогда не имели, переселяясь в города, тут же впитывали идеалы среднего класса – жить не хуже других и иметь не меньше. Жена Муравина в этом мало отличалась от предков. Естественно, ей хотелось, чтобы муж создал те условия жизни, которыми гордились ее знакомые и близкие. Василий Кристину любил и, хоть считал все это дурью и мешанством, взял кредит в банке на полмиллиона крон.

Муравин посмотрел на часы. Стрелки показывали половину десятого вечера. Неужели он столько просидел тут под яблоней? Что-то сегодня происходило со временем. Он его не замечал. Кристина снова вышла из дома и присела рядом. Он посмотрел на жену. Глаза у нее покраснели. Она попросила:

– Дай мне сигарету.

– Я не курю.

– Ты вчера отобрал у меня пачку. Верни.

– И не подумай. Тебе нельзя курить. Еще увижу, отлуплю. Ты же знаешь, русские мужики жен лупят, – и он заставил себя улыбнуться.

Она оставалась серьезной:

– Почему нам никто не звонит?

Василий сделал вид, что не понимает:

– А кто нам должен звонить?

– Не знаю... врачи, полиция... Она ведь уже умерла?

– Постарайся думать о другом.

– Я стараюсь. Не получается, – она потянулась к стакану: – Дай мне тоже выпить.

Василий быстро накрыл стакан ладонью:

– И пить тебе нельзя.

– А тебе можно? Тебе все можно. А мне ничего нельзя.

– Перестань ныть и радуйся.

– Чему?

– Тому, что тебе ничего нельзя.

Она, наконец, тоже улыбнулась. Но улыбка получилась вымученной:

– Я радуюсь...

– Радуюсь, а глаза красные.

– Я знаю, это очень некрасиво. Тебе противно на меня смотреть?

– Не доставай. Иди лучше поспи.

– Ладно, я пойду, а ты не пей много. Хорошо?

Василий кивнул, и она опять ушла в дом. Он снова взглянул на часы. Стрелки показывали без двух минут десять. Он включил транзистор. Зазвучала музыка. Ему хотелось повернуть мысли к прошлому, но сознание сопротивлялось. Перед ним возникло заплаканное лицо жены. Он понимал, что придется ей про все сказать, но как и когда это сделать, решить не мог. Музыка в транзисторе смолкла, сменившись голосом диктора. Начался обзор последних известий. Служба новостей «Радио четыре» выходила в эфир каждые полчаса. Это была основная станция в Эстонии, вещавшая на русском языке круглые сутки. Были и другие, но те или часами крутили музыку, или предупреждали водителей о засадах дорожной полиции. И лишь «Радио четыре» общалось со своими слушателями на разные темы. Василия новости сейчас не интересовали. Он слышал слова, произносимые диктором, но в их смысл не вникал. И лишь когда тот несколько раз повторил слово «мерседес», напряг внимание. Но было уже поздно. Диктор информацию закончил. Василий разобрал лишь последнюю фразу «опознать погибших не удалось, тела слишком сильно обгорели». Он, едва не перевернув кресло, вскочил и бросился в дом. Пробегая мимо гостиной, заметил жену. Кристина сидела в кресле, возле телевизора, но его не включала – экран оставался темным. Он вбежал в свой кабинет и бросился к компьютеру. Время, пока ящик загружался, казалось ему нестерпимо долгим. Наконец страничка новостей «Радио четыре» открылась, и Муравин сразу увидел фотографию горящей машины. В небольшой информации под фото сообщалось: «Сегодня в двадцать один двадцать по местному времени на семьдесят втором километре автомагистрали Таллинн – Пярну произошло трагическое ДТП – мерседес с немецкими номерами вылетел с трассы, врезался

в бетонный столб. В результате удара возник пожар. По данным полиции, водитель и пассажир (по мнению медэксперта, женщина) погибли на месте. По номеру полиции удалось установить, что машина принадлежит жителю Германии Альфреду Беншеру. Но был ли за рулем сам водитель, или другое лицо, полиция сообщить затрудняется. Тела сильно обгорели и для их идентификации необходима специальная экспертиза».

Он перечитал информацию трижды, поднялся, ураганом влетел в гостиную, схватил жену за руку и поволок в кабинет. Засадив ее за компьютер, скомандовал:

– Читай.

Кристина не сразу поняла, чего от нее требует супруг. Но Василий ткнул пальцем в экран монитора и повторил приказ. Она, наконец, поняла и, шевеля губами, прочитала. Затем посмотрела на мужа глазами, полными удивления:

– А он-то почему?

Супруг пожал плечами:

– Откуда я знаю.

Она поднялась, продолжая смотреть ему в глаза, и произнесла одними губами:

– Мы свободны?

– Да! – закричал он.

Кристина тоже закричала:

– И у нас все будет?!

– Да!

– Я тебя люблю!

– Я тебя больше! – заорал он еще громче, поднял жену на руки и потащил в спальню.

Она давно не отдавалась ему с такой страстью, как сегодня. Не уставала от его натиска и не просила пощады, а сама тянулась ему навстречу. И он готов был брать ее всю ночь, без сна и отдыха. Это было похоже на сумасшествие, словно к ним вернулось время медового месяца, который они провели в палатке. В доме никого, и можно не стесняться – кричи и бросайся друг на друга, сколько хочешь. Они все это и проделывали. И не только в спальне. Василий привел жену в гостиную и разложил на кресле. Потом они перебрались в ванную и любили друг друга под струями воды. Сомлели на кухне, так и не выпив кофе, который Кристина из последних сил разлила по чашкам. Уже когда светило солнце, он увидел, что жена спит за столом, поднял и перенес ее в постель и тут же уснул рядом. Уснул с мыслью, что теперь никто не помешает их беспредельному счастью. Ни ему, ни ей, ни их будущему ребенку.

* * *

Эстонцы любят рассказывать анекдот про свое короткое лето. Звучит он так. Иностранец спрашивает местного: «А лето у вас в Эстонии бывает?» И получает ответ: «Да, бывает. Но в этот день я как раз был на работе».

Нельзя сказать, что приведенный диалог отражает истинные погодные условия прибалтийской республики. Случаются и здешним летом жаркие декады, когда сами эстонцы просят у Всевышнего дождика. Но доля правды в этой шутке есть – северное лето длится недолго. Поэтому в конце июля мало кто остается на рабочем месте по собственному желанию. Капитану полицейского участка поселка Мустикат Арво Вельту не повезло вдвойне. Мало того, что его не пустили отдыхать в разгар лета, так еще и поручили замещать начальство. Комиссар Велло Эски, естественно, в июле взял отпуск сам. Таким образом, капитан Вельт заделался, не по своей воле, начальством и получил в подчинение двух коллег – инспектора Андруса Куузика и секретаршу Энни Таск. Инспектор Куузик приближался возрастом к пенсии, являл классический тип эстонского мужчины, которого даже взрыв атомной бомбы не способен вывести из равновесия. Что вполне подходило для участка работы, отведенного ему комиссаром полиции.

Куузик разбирался с проступками молодежи, которая год от года в Эстонии становилась все озорнее и хулиганстее. В поселковой школе уже завелись юные наркоманы, девочки начинали терять невинность с седьмого класса, а подростки еще и подворовывали в местном магазине, запихивая в рюкзаки-портфели сникерсы, чипсы и другие лакомства, столь популярные в их среде. Куузик умел долго и нудно вбивать в головы озорников основы законопослушания и вызывать к их совести. Конкретных результатов его деятельность не приносила, но шпана старалась ему на глаза не попадаться. А это уже полдела, поскольку большую часть времени инспектор проводил в центре поселка и в парке – излюбленных местах сборищ малолетних злоумышленников. Секретарша Энни Таск трудилась в офисе и занималась бумажными делами. В поселке по фамилии Энни никто не называл, не обращались к ней и уважительным «проуа», что можно перевести, как «госпожа», поскольку ей едва исполнилось двадцать, а выглядела она совсем ребенком. И несмотря на некоторую миловидность личика и стройную фигурку, если бы не полицейская форма, незнакомые обращались бы к ней «тюдрук». Этим словом здесь обозначают девочку-подростка до того, как она превратится в девушку. И именно это слово полностью соответствовало внешности госпожи Таск.

В двадцатых числах июля в Эстонии стояли на удивление жаркие дни. Придя утром в кабинет, капитан Вельт первым делам настезь распахивал окно, снимал китель и только после того усаживался за рабочий стол. Особых криминальных событий в поселке Мустикат не наблюдалось. Летом начальство чаще всего беспокоили лесные пожары, несовершеннолетние воришки и пьяные купальщики, приезжавшие из столицы освежиться в местном озере. Неделю назад один из них умудрился утонуть, чем на несколько дней загрузил поселковую полицию бумажной волокитой. Подобные неприятности обычно происходили по выходным, и сегодня, в будний день, капитан Вельт надеялся отслужить без происшествий. Он весьма ловко использовал казенный компьютер для игры в покер, что в тени кабинета сулило если не веселье, то уж точно полный покой.

Но покер неожиданно отменился. Секретарша Энни получила для него депешу из Таллинна и, постучав в дверь кабинета, с застенчивой улыбкой ее доставила.

– Что там? – спросил Вельт недовольным тоном, поскольку партия покера находилась в самой ответственной стадии, когда исход поединка полицейского с умной машиной зависит от одного верного хода.

– Документ из управления, – пояснила девушка, продолжая смущаться. Энни испытывала к капитану старательно скрываемую женскую симпатию к женатому мужчине. Но скрывала напрасно. За взрослого человека ее никто не принимал, а потому и проявления ее чувств не могли интересовать окружающих.

– Давай сюда, на стол, – приказал капитан, мышкой убрав с экрана не доигранную партию. Она робко подошла к столу и выложила перед ним прозрачную папку. Совершив подношение, осталась рядом, поедая капитана влюбленными глазами. Если бы он сейчас притянул ее к себе и впился ей в губы, она бы не противилась. Но Вельту и в голову не приходило завести роман с подчиненной девушкой. Да и сама она, хрупкая, тоненькая, с едва заметной грудью, не могла остановить его мужского внимания. О женской красоте офицер имел собственное представление, и оно не оставляло субтильной деве ни одного шанса.

– Ну, чего стоишь? Принесла и иди, работай, – сказал он секретарше, разглядывая депешу. Энни бесшумно исчезла, словно ее и не было. Вельт извлек из прозрачной папки несколько листов бумаги и надел очки. Два листа заполнял текст на немецком языке, а два других являлись его переводом на язык эстонский. Капитан надел очки и углубился в чтение. Читал не спеша, стараясь сразу вникнуть в суть послания и понять, что в связи с этим делать. А в том, что делать придется, он не сомневался – депеша пришла из главного управления эстонской полиции.

Вскоре ему стало ясно, что данный документ является запросом комиссара из Мюнхена, господина Гроссе, и содержит просьбу отыскать некую фрау Берту Литхен. Женщина, заявившая о пропаже этой Литхен, а именно фрау Лямке, уверена, что с ее подругой несчастье, и виновники этого несчастья – жители Эстонии. К заявлению фрау Лямке приложила номер мобильной связи, которым подозреваемые пользуются. По данному номеру таллиннская полиция установила супружескую пару – Василия и Кристину Муравиных. Супруги проживали в поселке Мустикат по улице Нымме в доме тринадцать. Имелась в запросе и дополнительная справка, из которой следовало: месяц назад в Эстонии произошла автомобильная катастрофа. Сгорел мерседес, принадлежавший некому Альфреду Беншеру. При беседе мюнхенского комиссара с подательницей заявления о пропаже фрау Литхен фамилия Беншера прозвучала. Заявительница называла его в качестве давнего приятеля исчезнувшей дамы. Не исключается, что в машине Альфреда Беншера на момент катастрофы находилась именно Берта Литхен. Но пока не поступят заключения генетической экспертизы, считать это доказанным фактом рано, а можно принять в качестве рабочей версии. Нельзя также считать владельца сгоревшей машины на сто процентов погибшим. Поскольку за рулем мог находиться кто-то из его знакомых. Но вероятность последнего предположения мала. Полиция Мюнхена выслала господину Беншеру повестку, и тот пока не откликнулся. Граждане Германии к своей полиции относятся с большим уважением, поэтому допустить, что Беншер повестку проигнорировал комиссар Гроссе не может и делает вывод – либо гражданин Беншер погиб в указанной катастрофе, либо отсутствует в стране. Останки жертв автокатастрофы переданы эстонской стороной мюнхенской полиции. Экспертиза проходит в Германии, и эстонские коллеги получают заключение экспертов, как только те закончат работу.

Вельт внимательно изучил подписи и числа, обозначенные в документе. Из них следовало – комиссар Гроссе выслал запрос две недели назад. А он, Вельт, получил его только сейчас. Выходит, на выяснения адреса Муравиных и на перевод документа с немецкого на эстонский у столичного начальства ушло еще две недели. Капитан отложил листы в сторону, извлек из ящика стола папку, написал не ней «Дело исчезновения гражданки Германии фрау Берты Литхен». Сложил в эту папку присланные листки, убрал в стол, надел китель, закрыл окно, взял с полки свой кейс и вышел из кабинета.

* * *

Если бы подруга Кристины Муравиной Кая Мерисалу навестила ее сейчас, спустя месяц после праздника Дня победы, она бы молодую женщину не узнала. Кристина загорела, волосы ее сделались еще светлее, былую бледность сменил здоровый румянец, что вкупе с загаром делало ее по-настоящему хорошенькой. Да и грусти в ее глазах отыскать было невозможно. Внешний вид женщины отражал и ее настроение – Кристина была счастлива и позволяла себе расслабиться. В полдень, когда солнце висело почти над головой, она взяла плед, расстелила его на газоне и улеглась загорать. Открытый купальник, состоящий из браслетика трусов и двух маленьких колпачков на сосках, не скрывал, а лишь подчеркивал плавные линии ее загорелого тела. Повернувшись на живот, она огляделась по сторонам и верхнюю часть своей необременительной одежды сбросила. Теперь ничто, кроме тоненькой полоски нижней части купальника, не отнимало ее у солнца. Кристина знала, что в доме одна – муж отправился на корт играть в теннис, а соседи за живой изгородью видеть ее не могли. Не говоря уже о том, что в будний день здесь, как уже было замечено, человека не встретить. Но если пешеход для эстонского поселка – большая редкость, то автомобиль – штука привычная. Поэтому на шум мотора полицейской машины Кристина внимания не обратила. Не видела она, лежа на животе, и капитана Вельта, который, выбравшись из кабины, в нерешительности топтался у забора. Не обнаружив звонка, капитан тронул калитку и понял, что она не заперта. Не остановил его и лай свире-

пой собаки, поскольку сторожевого пса Василий с Кристиной не держали. Брехал лохматый черный терьер соседей. Вельт обернулся. Высунутый язык псины и пуговицы глаз, взирающих из-под челки, выдавали неохоту четвероногого стража заниматься охраной чужого участка. И капитан калитку Муравиных открыл. Принимающую солнечные ванны хозяйку полицейский заметил, когда уже отступать было поздно. Стараясь не смотреть на соблазнительное видение, он кашлянул и отвернулся.

– Кто здесь? – вскрикнула Кристина, пытаясь завернуться в плед.

– Госпожа Муравина, я есть капитан полиции.

– Как вы сюда попали? – справившись с испугом, поинтересовалась Кристина. Она уже сумела использовать плед для защиты своего тела от взглядов непрошеного гостя.

– Не нашел кнопку, а калитка не имеет замок.

– Замечаете, в каком я виде? Посторонних мужчин не ждала.

– Я есть полицейский.

– Но вы же не женщина?

Вопрос Кристины капитана озадачил. Продолжая смотреть в сторону, он подбирал русские слова для ответа. Подобрал, вздохнул с облегчением и произнес:

– В служебное время мой пол не составляет вопроса. Меня зовут капитан Вельт.

Кристина с трудом сдержала улыбку и пришла на помощь соотечественнику, заговорив с ним на родном языке.

– Капитан Вельт, я хоть и Муравина, но эстонка, и можете не мучиться. Что вам нужно?

– Да, так мне гораздо легче, – обрадовался Вельт, переходя на эстонский. Его лоб от напряжения и жары успел покрыться испариной. Он достал из кармана платок, снял фуражку, протер лоб, повторил все в обратном порядке и перешел к делу: Мне необходимо поговорить с фрау Литхен.

Кристина тут же перестала улыбаться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.